

На правах рукописи

СПИРИДОВСКИЙ Олег Владимирович

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ РИТОРИКИ КАК ВИДА
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Специальность 10.02.04. – германские языки

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2006

Работа выполнена в Воронежском государственном университете

Научный руководитель – доктор филологических наук,
профессор Кашкин Вячеслав Борисович

Официальные оппоненты – доктор филологических наук,
профессор Шейгал Елена Иосифовна

кандидат филологических наук,
доцент Ковыршина Елена Олеговна

Ведущая организация – Тверской государственный университет

Защита состоится «   » октября 2006 г. в «   » часов на заседании диссертационного совета Д 212.038.16 по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки в Воронежском государственном университете по адресу: 394006 Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. 14.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Воронежского государственного университета.

Автореферат разослан «   » _____ 2006 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Велла Т.М.

Общая характеристика работы

Большой интерес исследователей дискурса в последние годы вызывает изучение того, как язык используется в социальной среде, в профессионально ориентированных ситуациях общения. При этом перечень видов дискурса зависит от количества сложившихся в обществе институтов на определённом историческом этапе его развития. Одним из наиболее заметных социальных институтов современности является политика, интерес к изучению которой со стороны лингвистов в последнее время устойчив, поскольку многие политические действия по своей природе являются речевыми.

Данное диссертационное исследование посвящено изучению лингвокультурных характеристик американской президентской риторики, которую мы рассматриваем на фоне её немецкого и австрийского аналогов. Для настоящего исследования принципиально понимание того, что президентский дискурс носит риторический характер. Он проявляется в определённой системе жанров, понимаемых нами как устойчивые типы риторических произведений, представляющие собою единство особых свойств формы и содержания, определяемое целью и условиями общения и ориентированное на реакцию адресата. Каждый жанр президентского дискурса характеризуется собственными риторическими особенностями. Эффективность президентских обращений напрямую зависит от используемых способов риторического воздействия на адресата.

Объектом исследования является президентский дискурс в указанных лингвокультурах, который понимается как текст, обусловленный ситуацией политического общения.

В качестве **предмета изучения** рассматриваются лингвокультурные характеристики американского, немецкого и австрийского президентского дискурса последних 20 лет.

Актуальность настоящего исследования объясняется следующими причинами:

1) изучение институциональных видов коммуникации находится в фокусе внимания социолингвистики, прагмалингвистики, лингвистики текста, теории дискурса, однако президентский дискурс как разновидность политического общения ещё не был специальным объектом исследования в лингвистической литературе;

2) анализ национально-культурных характеристик дискурса в целом представляет собою актуальное направление лингвистики на современном этапе её развития. В частности, в лингвистических исследованиях рассматривались лингвокультурные характеристики прагма- и социолингвистических типов дискурса. Однако лингвокультурная специфика президентского дискурса не получила отражения в работах по языкознанию. Специальных работ, посвящённых немецкоязычному президентскому дискурсу, на данный момент нет;

3) в предлагаемом диссертационном исследовании рассматриваются сложные по структуре и содержанию формы, что особенно важно ввиду того, что в современной теории риторических жанров описание вторичных жанров применительно к частным риторикам отсутствует;

4) отдельные параметры политического дискурса в целом (например, ролевая структура и метафоричность) подвергались лингвистическому анализу, в то же время комплексное изучение президентского дискурса и его конститутивных свойств (жанровых, стилистических, интертекстуальных) не являлось предметом специального рассмотрения в научной литературе.

Цель работы заключается в моделировании современного президентского дискурса и выявлении лингвокультурных характеристик президентского дискурса в США на фоне его аналогов в Германии и Австрии.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские **задачи**:

1) определить место и функции президентского политического дискурса в современном обществе США, Германии и Австрии;

2) описать языковую личность президента в ценностном, когнитивно-познавательном, поведенческом аспектах;

3) исследовать структуру жанрового пространства президентского дискурса США, Германии и Австрии;

4) установить конститутивные жанровые признаки президентского дискурса с учётом его национально-культурной специфики;

5) выявить средства риторического воздействия президентского дискурса на лексическом, синтаксическом и интертекстуальном уровнях.

Материалом исследования послужили 1134 текста речей президентов США, Германии и Австрии на английском и немецком языках (989 на английском языке и 145 – на немецком) из печатных и электронных СМИ, лингвострановедческой литературы, книг журналистов, политологов и политических обозревателей, видеозаписи выступлений президентов общей длительностью 270 минут на английском языке и 68 минут – на немецком, аудиозаписи на аудиокассетах и компакт-дисках общей длительностью звучания 35 минут на английском языке и 20 минут – на немецком. Максимальный объём текста составляет 61 страницу печатного текста (“State of the Union Address” президента США Дж. Картера в 1981 году).

В ходе работы над материалом исследования использованы такие **методы**, как 1) метод понятийного моделирования; 2) метод лингвокогнитивного анализа, включающий в себя анализ лексической сочетаемости ключевого слова, синонимов ключевого слова, деривационного и лексико-фразеологического полей ключевого слова, контрастивный анализ эквивалентных по своему прямому значению лексем; 3) метод анализа словарных дефиниций; 4) метод интервьюирования для верификации статуса президентского дискурса в соответствующих лингвокультурах; 5) метод

интроспективного анализа; б) квантитативный метод анализа для установления частотности тех или иных языковых явлений.

Метод интервьюирования был использован нами в трёх лингвокультурах. По составленной анкете был проведён письменный опрос респондентов, в котором приняли участие 50 американцев, 50 австрийцев и 50 россиян.

Анализ указанного эмпирического материала включает в себя следующие **этапы**:

1) методом сплошной выборки были отобраны 1134 текста речей президентов США, Германии и Австрии за всё время существования института президентства в этих странах. В задачи этого этапа анализа входил обзор основных жанров и традиций президентской риторики, чему посвящена вторая глава исследования;

2) на втором этапе анализа из отобранного эмпирического материала были вычленены 748 текстов разных жанров президентов США, Германии и Австрии за последние 20 лет (628 на английском языке, 120 – на немецком). Эти тексты были подвергнуты более тщательному анализу не только с позиций жанровых характеристик, но и с точки зрения их стилистической экспликации, что раскрывается в третьей главе работы.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что

1) предлагается комплексный анализ языковой личности президента с позиций ценностного, когнитивно-познавательного, поведенческого аспектов, а также с учётом риторической направленности создаваемых ею речевых произведений;

2) осуществляется целостное изучение и структурирование жанрового пространства президентского дискурса;

3) выявляются национально-специфические жанры президентского дискурса;

4) рассматривается широкая палитра стилистических средств, используемых в президентском дискурсе;

5) исследование президентской риторики проводится в межкультурном ракурсе, что способствует более точному пониманию лингвокультурных характеристик президентского дискурса.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что работа вносит вклад в разработку таких ключевых проблем современной лингвистики, как институциональное общение, национально-культурные характеристики дискурса, жанровые признаки дискурса, риторическое воздействие.

Практическая ценность настоящего диссертационного исследования состоит в том, что его материалы могут найти применение в вузовских курсах риторики, стилистики, интерпретации текста, в теоретических дисциплинах дискурсоведения, межкультурной коммуникации и сопоставительной лингвистики, а также спецкурсов по политической коммуникации и профессионально ориентированной риторике. Результаты исследования могут быть также востребованы при разработке механизмов и форм оптимизации политического дискурса.

Теоретическую базу исследования составляют труды отечественных и зарубежных учёных, посвящённые лингвистике текста и теории дискурса (В.В. Богданов, В.Г. Борботько, М.Я. Дымарский, В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, М.Л. Макаров, З.Я. Тураева, Л.В. Цурикова, Е.И. Шейгал, Т. ван Дейк, М.Култхард, П.Серио, Дж.Синклер, М.Стаббс, Н.Ферклаф, У.Чейф, Д.Шиффрин), языковой личности (Ю.Н. Караулов, Е.Д. Поливанов, А.П. Седых, И.А. Стернин, И.П. Тарасова), теории риторики и проблемам убеждающей речи (А.К. Авеличев, С.С. Аверинцев, Т.В. Анисимова, А.Н. Баранов, Ю.М. Лотман, А.К. Михальская, Ю.В. Рождественский, И.А. Стернин, Г.Г. Хазагеров, Э.Окс, П.Сопер), вопросам соотношения языка и власти (В.Н. Базылев, В.И. Жельвис, Г.Г. Почепцов, А.П. Чудинов, Р.М. Блакар, П.Бурдые, Х.Вайнрих, Р.Водак, Ю.Хабермас), жанрам речи (М.М. Бахтин, А.Вежбицка, Т.Г. Винокур, В.В. Дементьев, М.Н. Кожина, Т.В. Шмелёва), когнитивной лингвистике (А.П. Бабушкин, А.Вежбицка, Н.А. Красавский, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачёв, З.Д. Попова, И.А. Стернин).

На защиту выносятся следующие положения:

1) Жанровое пространство президентского политического дискурса на современном этапе развития США, Германии и Австрии представляет собою совокупность агональных (сопоставительных), эпидейктических (ритуальных) и ориентационных жанров. В контексте борьбы за власть ядро жанрового пространства занимают агональные жанры, в которых сопоставительность получает открытую, эксплицитную реализацию. Ритуальные жанры, хотя количественно и доминируют в жанровом пространстве президентского дискурса, находятся на его интенциональной периферии, так как направлены на сохранение, а не на завоевание власти. Количественное доминирование жанров ритуальной коммуникации во всех анализируемых нами лингвокультурах является универсальной характеристикой президентского дискурса.

2) Жанровая модель дискурса включает в себя следующие жанрообразующие признаки: хронотоп общения (время и место дискурса), участников дискурса и их ролевые характеристики, институциональную сферу общения, тематическую заданность общения, жанровую композицию, коммуникативную цель (ведущую интенцию, функцию), первичность / вторичность, стилистические особенности риторического произведения.

3) Агональные, ориентационные и ритуальные жанры в анализируемых нами лингвокультурах обнаруживают как универсальные, так и национально-специфические жанровые признаки. К универсальным признакам относятся коммуникативная роль «потенциальный президент» в агональных жанрах, коммуникативная роль «гомилет» в ритуальных жанрах, тактика информационных ударов в президентских теледебатах. Национально-культурная специфика проявляется, прежде всего, в тематической заданности общения, развитии тематических блоков, выборе микротема, а также композиционной структуре. Кроме этого, существуют отдельные национально-специфические жанры, приобретающие смысл только в своей лингвокультуре.

Таким примером является еженедельное субботнее радиообращение президента США к нации.

4) Языковая личность президента изучается в ценностном, когнитивном и поведенческом аспектах. Система ценностей языковой личности президента отражается в его концептуальной картине мира, которая складывается из ментальных репрезентаций, то есть концептов. Концептосфера языковой личности президента в исследуемых нами лингвокультурах характеризуется универсальными признаками, в частности, высокой коммуникативной востребованностью концептов «свобода» и «мир». Национально-культурная специфика концептуальной картины мира языковой личности президента объективируется в концептах «терроризм» в американском президентском дискурсе, «общность» и «единство / единение» в немецком и австрийском президентском дискурсе.

5) Риторическое воздействие президентского дискурса на адресата достигается за счёт использования лексических и синтактико-стилистических средств выразительности. В риторическом аспекте одной из наиболее значимых особенностей президентского дискурса является его сверхметафоричность. В корпусе выявленных нами метафор, исходными сферами-источниками которых являются человек, социум, природа и артефакты, во всех исследуемых лингвокультурах преобладает антропоморфная метафора.

6) Одним из признаков президентского дискурса является его интертекстуальность. Палитра интертекстуализованных высказываний включает ссылки на президентов-предшественников, президентов других стран, политиков, философов, деятелей науки, литературы, искусства, сюжеты из Библии. Ссылки на своих предшественников количественно преобладают в дискурсе президентов США. Для дискурса немецких и австрийских глав государств характерно доминирование ссылок на слова и имена деятелей науки, литературы и искусства, философов. Выбор ссылки функционально обусловлен и направлен на достижение риторического воздействия на адресата.

Апробация. Содержание работы излагалось на трёх международных конференциях, проводившихся Воронежским государственным университетом в 2002 и 2003 годах, на региональной научно-практической конференции Воронежского государственного педагогического университета в 2004 году, на ежегодных научных сессиях профессорско-преподавательского состава Воронежского государственного университета (2004-2006 годы), на регулярных аспирантских семинарах под руководством проф. В.Б. Кашкина (ВГУ, 2004-2006 годы). Материалы исследования нашли применение в семинарских и лекционных занятиях дисциплин «Введение в теорию межкультурной коммуникации» и «Дискурс» для студентов факультета романо-германской филологии ВГУ. По материалам исследования имеется 7 публикаций.

Логика изложения результатов работы, её цель и задачи определили **структуру диссертации**, текст которой состоит из введения, трёх глав, каждая из которых завершается выводами, заключения, 9 таблиц, 4 схем, списка

использованной литературы, словарей и справочников, источников примеров и приложения. Общий объём диссертации составляет 234 страницы.

Основное содержание работы

Введение представляет собою экспозицию исследования и обосновывает актуальность изучения президентской риторики как вида политического дискурса в межкультурном ракурсе. Во введении также определяются цель и задачи работы, раскрывается её научная новизна, мотивируется теоретическая и практическая значимость исследования, предлагается теоретическая база настоящей диссертации.

В главе 1 «**Политический дискурс как предмет лингвистического исследования**» рассматриваются понятие дискурса в современной лингвистике, специфика политического дискурса, роль языковой личности в процедурной / динамической парадигме дискурс-анализа, риторические характеристики, преобладающие в политическом общении.

Дискурс является широкоупотребительным термином в современной науке о языке и допускает множество толкований. В этой связи нам представляется полезным уточнить место дискурса в ряду смежных понятий «язык – речь – текст – дискурс». Дискурс обычно противопоставляется тексту, реже – языку, и нередко приравнивается к речи в сосюровском понимании (язык в действии, *language in use*). Наиболее сложным и дискуссионным является вопрос о соотношении дискурса и текста. Анализ работ таких лингвистов, как Т.А. ван Дейк, М.Я. Дымарский, Е.И. Шейгал, D.Schiffrin, позволяет сделать ряд выводов относительно параметров разграничения названных выше категорий. Так, дискурс в трактовке данных авторов принадлежит к области лингво-социального, текст – только лингвистического. Текст представляет собою языковой конструкт, временно или искусственно изолированный от контекста, а дискурс – реализацию текста в событийном аспекте, то есть текст вписывается в статическую парадигму как результат, дискурс же находит своё место в процедурной / динамической парадигме как процесс. Дискурс, таким образом, включает в себя такие компоненты, как участники общения и их характеристики, обстоятельства порождения и восприятия текста. Это, однако, не означает, что исследования текста лишены целесообразности с точки зрения дискурс-анализа. Подобно тому, как текстовые данные помогают получить представления о языковой личности и её когнитивном багаже, так и текстовые данные указывают на дискурсивные характеристики, которые не выражаются в тексте напрямую.

В настоящей работе мы будем придерживаться позиции, занимаемой, в частности, В.В. Богдановым, Е.И. Шейгал, согласно которой дискурс включает в себя и параметры, свойственные речи, и параметры, свойственные тексту. Именно такая позиция заложена в определении дискурса, данном Н.Д. Арутюновой в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «Дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими,

социокультурными, психологическими и др.) факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов их сознания (когнитивных процессах); речь, погружённая в жизнь». Это определение рассматривается нами в качестве базового для настоящего исследования.

Анализ дискурса представляет собою междисциплинарную область знания, находящуюся на стыке лингвистики, социологии, психологии, этнографии, семиотического направления литературоведения, стилистики и философии. Вслед за М.Л. Макаровым в настоящем исследовании дискурс-анализ понимается в широком смысле как интегральная сфера изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции, ситуативной и социально-культурной обусловленности. Дискурсивный анализ отвечает задачам данной работы, так как в ней в качестве эмпирического материала исследуются речи политических деятелей с учётом их лингвокультурных особенностей, определяемых взаимодействием социологического, культурного, межличностного и когнитивного аспектов политической коммуникации.

Существенную ценность для нашей работы представляет противопоставление лично-ориентированного и статусно-ориентированного (институционального) общения на основании статусно-ролевых характеристик участников коммуникации (В.И. Карасик). Одним из видов институционального общения является политический дискурс.

Изучение политического дискурса – это актуальное направление современных лингвистических исследований как в России, так и за рубежом. Предметом таких исследований являются язык и власть в мире политики, коммуникативные манипуляции правящих элит, использование языка как средства доминирования и социальной силы, ритуальная составляющая политической коммуникации (А.Н. Баранов, Р.Водак, Е.И. Шейгал, Р. Bourdieu, Т.А. van Dijk, N. Fairclough, J. Habermas).

Функциональная направленность политической коммуникации заключается в борьбе за власть, её сохранение или перераспределение. Однако далеко не всегда эта базовая функция получает открытую экспликацию, чаще она находит своё выражение в таких функциях, как интегративная, инспиративная, декларативная и перформативная (К.К. Campbell, К.Н. Jamieson; Е.И. Шейгал). Каждая из них реализуется через свои стратегии и средства дискурса. Нам представляется возможным установить корреляцию между указанной выше моделью политической коммуникации и функциональной моделью коммуникации Р.О. Якобсона. Так, интегративная функция соотносится с фатической по принципу использования коммуникативной системы для поддержания контакта, инспиративная – с конативной (внимание сосредоточено на адресате), декларативная – с поэтической (фокусировка на самом сообщении).

Специального внимания заслуживает также проблема описания языковой личности в дискурсе, которая в современных исследованиях рассматривается

во взаимодействии наборов её социальных и коммуникативных ролей. В дискурсе языковая личность определяется как совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов) (Ю.Н. Караулов). В данной работе языковая личность моделируется с позиций ценностного, когнитивно-познавательного и поведенческого аспектов.

В первом случае анализ языковой личности базируется на признании того, что ценности обладают такими свойствами, как человеческая отнесённость и социальная детерминированность. Важнейшие компоненты ценностей – оценка, норма и оценочный стереотип. Ценностные доминанты в разных культурах могут быть как универсальными, так и специфическими в зависимости от исторической и культурной традиции страны (Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова; А.П. Седых). Например, общепризнанным местом исследований, посвящённым американской национальной ментальности, являются следующие традиционные ценности: эгалитаризм, ориентация на будущее / оптимизм, изменение / динамика действий, материализм, рационализм (И.А. Стернин, М.А. Стернина; К.К. Campbell, К.Н. Jamieson; М.К. Datesman, J.A. Crandall, E.N. Kearny; E.T. Hall, M.R. Hall; L.R. Kohls; A.R. Lanier). Для Германии особую ценность в настоящее время имеет единение всего немецкого народа. Для австрийского народа, потерявшего свою независимость во времена Второй Мировой войны, особую ценность составляют суверенность, нейтралитет и безопасность государства (R.Geier, G.Schuppener). Существенным замечанием для нашей работы является также утверждение о том, что ценности, которых придерживается политический лидер, могут быть детерминированы не только его принадлежностью к определённому этносу, но и его приверженностью тем или иным политическим движениям, то есть организованным группам со своими ценностями и нормами (например, демократическая и республиканская партии в США, сторонники капитализма и сторонники коммунизма в Австрии послевоенного периода). В таком случае роль ценностей в политическом дискурсе выполняют идеологемы, выражающие идеологические интересы и ориентиры.

Другим продуктивным направлением в изучении языковой личности следует признать когнитивно-познавательный аспект, который предполагает переход к моделированию структур сознания участников политической коммуникации. Ключевым понятием для данного исследования является концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны (В.И. Карасик).

Языковая личность в политическом дискурсе может быть изучена также с точки зрения поведенческого аспекта. Способом такого изучения следует признать рассмотрение ораторских стратегий и мотивов. Существенную роль в политической сфере играют манипуляции, способствующие борьбе за власть.

Президентский дискурс имеет принципиально риторический характер. Цели в этом виде институциональной коммуникации достигаются с помощью используемых способов риторического воздействия на адресата. В качестве

базового для нашего исследования будет рассматриваться определение риторики А.К. Авеличева, сформулированное так: «Риторика – это наука о способах убеждения, разнообразных формах преимущественно языкового воздействия на аудиторию, оказываемого с учётом особенностей последней и в целях получения желаемого эффекта». Причём каждая частная риторика ориентирована на свой конкретный объект изучения, на свой тип дискурса (Т.В. Анисимова, Н.Н. Кохтев, А.К. Михальская, И.А. Стернин, Г.Г. Хазагеров). Наиболее широко в риторике обсуждаются вопросы композиции и аргументации (системы доказательств) (Т.В. Анисимова, Е.Г. Гимпельсон, П.Сопер), а также эффективность риторических произведений, обеспечиваемая за счёт удачного использования риторических фигур (Г.Г. Хазагеров).

Внимания заслуживает и проблема интертекстуальности президентской риторики, то есть отношения между создаваемыми президентами риторическими произведениями и предшествующими текстами. При этом степень узнаваемости, значимости и коммуникативной востребованности последних может варьироваться, что выражается в упоминании автора исходного / цитируемого текста или в отсутствии этого упоминания.

В главе 2 **«Президентская риторика как вид политического дискурса и её основные жанры в американской, немецкой и австрийской лингвокультурах»** раскрывается понятие жанра в современной лингвистике, исследуется структура жанрового пространства президентского дискурса с точки зрения его социокультурных особенностей, предлагается жанровая классификация президентского дискурса США, Германии и Австрии.

Релевантным для настоящего исследования является положение о том, что высказывание как коммуникативная единица речи всегда является произведением определенного жанра, обладающего устойчивыми типическими формами построения целого (М.М. Бахтин, А.Вежбицка, В.В. Дементьев, В.И. Карасик, Т.В. Шмелёва). В данной работе мы придерживаемся следующего определения жанра, предложенного Т.В. Анисимовой: «Жанр – это устойчивый тип риторического произведения, единство особенных свойств формы и содержания, определяемое целью и условиями общения и ориентированное на реакцию адресата».

Жанровое пространство президентского дискурса в сфере политической коммуникации, безусловно, определяется социокультурными условиями существования дискурса, историческими традициями самого института президентства в той или иной стране. Данный институт в США, Германии и Австрии обнаруживает различия как в самом статусе президентства в контексте распределения властных полномочий, так и в значимости фигуры президента.

Проведённое нами анкетирование носителей американской и австрийской лингвокультур способствовало верификации статуса президентства и интереса к президентской риторике в США и Австрии. 90% респондентов в обеих странах слушают те или иные выступления президентов.

Квантитативный анализ отобранного эмпирического материала показал, что в жанровом пространстве президентской риторики доминируют ритуальные

(эпидейктические) жанры вне зависимости от того, о какой лингвокультуре идёт речь. В собранном американском материале количество текстов ритуального жанра составляет 68%, в австрийском материале – 80%, в немецком – 82%. Таким образом, доминирование ритуальных жанров президентской риторики является универсальной характеристикой президентского дискурса.

Как в англоязычном, так и в немецкоязычном президентском дискурсе нами были выявлены следующие ритуальные жанры: инаугурационная / прощальная речь (“inaugural / farewell address”, “Antrittsrede”), Рождественское / Новогоднее обращение (“Christmas speech”, “Weihnachtsansprache” / “Neujahrsansprache”), застольная речь (“toast” / “meal-speech”, “Toast” / “Tischrede”), юбилейная / торжественная речь, приуроченная к знаменательным датам, вручению премий, открытию форумов, фестивалей, выставок (“jubilee / anniversary speech”, “speech / remarks on the occasion of ...”, “Rede” / “Ansprache”, “Grußwort“, “Begrüßungsworte“, “Grußbotschaft“). Высокочастотным оказался еженедельный ритуальный жанр США – субботнее традиционное радиообращение президента (“Saturday radio address”), характерный именно для американского общества и до настоящего момента не исследованный в лингвистической научной литературе. Как показывает интервьюирование респондентов в США и Австрии, эпидейктические жанры президентской риторики вызывают существенный интерес граждан.

Вторыми по частотности являются ориентационные жанры президентского дискурса. В политическом дискурсе они представлены такими жанрами, как партийная программа, манифест, послание президента о положении в стране парламенту, указ, соглашение, отчётный доклад. Мы считаем, что к этому жанру следует также причислить интервью и пресс-конференцию, которые, как правило, главы государств дают общепризнанным СМИ и с их помощью выражают свою позицию, определяют ценностные ориентиры для своих сограждан.

Анализ ответов респондентов свидетельствует о том, что значительную заинтересованность у них вызывают в том числе агональные / состязательные жанры президентской риторики. 86% опрошенных австрийских и 94% американских респондентов подтвердили интерес к президентским теледебатам. Полученный эмпирический материал указывает на некоторые социокультурные особенности агональных жанров президентской риторики, что объясняется спецификой государственного устройства и политической культурой той или иной страны. В отличие от США и Австрии в Германии в связи с отсутствием процедуры всенародного избрания президента страны нет, как следствие, и ритуала президентских теледебатов.

В жанровом пространстве президентского дискурса агональные / состязательные жанры не обладают такой высокой частотностью, как ориентационные и тем более ритуальные, так как они связаны напрямую с определённой периодичностью президентских кампаний. Однако от того, как

кандидат на пост президента проявит себя в этом политическом состязании, зависит сама возможность его прихода к власти.

С нашей точки зрения, в жанровом пространстве американского президентского дискурса есть жанры, которые в большей степени нацелены на получение власти, а также жанры, способствующие её сохранению. Если представить жанровое пространство в виде окружности, то в ней часть жанров будет находиться в центре, а часть на периферии. Несомненно, предвыборные теледебаты как жанр президентской риторики будут находиться в центре этой окружности, как и другие агональные жанры, поскольку в данном случае их состязательность получает открытую, эксплицитную реализацию.

На наш взгляд, модель жанра должна включать следующие обязательные жанровые признаки: 1) хронотоп общения, то есть время и место дискурса; 2) участников дискурса и их ролевые характеристики; 3) институциональную сферу общения; 4) тематическую заданность общения; 5) жанровую композицию; 6) коммуникативную цель, ведущую интенцию, функцию; 7) первичность / вторичность; 8) стилистические особенности риторического произведения.

С целью выявления специфики каждого из названных параметров агонального жанра политического дискурса нами были исследованы теледебаты Джорджа Буша и Алберта Гора, которые состоялись в октябре 2000 года, а также два раунда теледебатов между Джорджем Бушем и Джоном Керри общей продолжительностью 270 минут. Кроме этого, была проанализирована видеозапись теледебатов кандидатов на пост президента Австрии Томаса Клестилья и Рудольфа Штрейхера в 1992 году, длительность которой составляет 60 минут.

Их общими жанровыми признаками являются:

а) временное положение в предвыборной кампании. Разумеется, в конечном счёте, теледебаты ориентированы на единовременный акт выбора какого-либо кандидата, но в условиях, когда кампании длятся месяцами, реальный выбор в момент проведения теледебатов ещё далеко. Этим фактором времени и объясняется неизбежное присутствие в жанре президентских предвыборных теледебатов определённой допустимой доли ритуальности;

б) общность ролевого портрета, компонентами которого являются партийная принадлежность, накопленный опыт руководителя, коммуникативная роль «потенциальный президент», коммуникативная роль критика, напрямую зависящая от того, какую позицию тот или иной кандидат занимает в отношении действующей власти, и подкрепляемая тактикой информационных ударов. Например, *“There’s been an opportunity to reform the Medicare system, but this administration failed to do it”* (Дж.Буш, 2000 г.). *„Doktor Streicher ist ein Politiker von Beruf“* (Т.Клестиль, 1992 г.);

в) ключевая внеречевая роль аудитории, не принимающей непосредственного участия в общении;

г) использование микротемы как основной единицы аргументации, включающей подтезис и аргументативный материал в его защиту. Например, *“I believe I can make America safer than President Bush has made us”* (подтезис, часть 1 микротемы «защита от террористической угрозы», Дж.Керри). *“I will build a truly global coalition in the war on terror”*, *“I will establish closer contacts with the eastern world”*, *“I will train our soldiers in Iraq more effectively”* (серия аргументов, часть 2 микротемы «защита от террористической угрозы», Дж.Керри). *„Ich sage „ja“ der Europäischen Union“* (подтезис, часть 1 микротемы «Австрия и Евросоюз», Т.Клестиль). *„Der Weg nach Europa ist vorgegeben“*, *„Österreich kann nicht als Insel des Seeligen allein bleiben“*, *„Europa ist für Österreich auch Osteuropa“* (серия аргументов, часть 2 микротемы «Австрия и Евросоюз», Т.Клестиль);

д) ключевая роль основной интенции – борьбы за голоса избирателей, получающей в ряде случаев эксплицитную реализацию. Например, *“I want you to be in my team”* (Дж. Буш); *“I ask for your vote”* (Дж.Буш); *„Ich bemühe mich um jede Stimme“* (Р.Штрейхер); *„Ich werbe um jede Stimme“* (Т.Клестиль);

е) смешанный жанр по признаку первичность / вторичность.

Различия между примерами жанра президентских теледебатов в американской и австрийской лингвокультурах состоят в следующем:

а) хронологические и композиционные параметры. Если в Австрии теледебаты протекают в «режиме свободной дискуссии», то в США количество времени, выделяемое на ответ каждому кандидату, строго регламентируется. Следовательно, это различие отражается и на композиции данного жанра;

б) несовпадение развиваемых микротем.

Самую большую часть президентской риторики образуют ритуальные (эпидейктические) жанры. В основу ритуального действия положено событие, значимое для всего коллектива, в котором этот ритуал поддерживается. Коммуникативные события, получающие ритуальный статус, могут быть циклическими и спорадическими. К ритуальным жанрам президентского дискурса циклического характера следует отнести инаугурационную речь президента (вступление в должность подчинено строгому узаконенному циклу), Новогоднее / Рождественское обращение президента, традиционное субботнее радиообращение президента США. К коммуникативным событиям спорадического характера принадлежат торжественные речи, приуроченные к награждениям, открытиям выставок, фестивалей, форумов, застольные речи.

В данной работе подробно анализируется жанр инаугурационного обращения президента в американской, немецкой и австрийской лингвокультурах. Опрос респондентов показывает, что и американцы, и австрийцы ставят на первое место инаугурационную речь президента – 45% и 47% от всех названных жанров президентского дискурса соответственно. Универсальными характеристиками данного жанра являются:

а) коммуникативная роль «гомилет», присущая президенту как избранному лицу, которому уже не с кем и не за что бороться. Президент больше не убеждает никого в своей правоте, его фигура поставлена выше других

участников общения во всех исследуемых лингвокультурах, так как на его инаугурационную речь не отвечают подобными речами;

б) наличие таких трёх константных тем, как историческое прошлое страны и его эпидейктическое восхваление, проблемы настоящего, проекция на будущее (*“May God continue to bless this great land”*, *„Es lebe die Republik Österreich“*);

в) клятва президента;

г) фатическое вступление в общение с помощью приветствия, благодарности (*“Mr. Chairman, Mr. Vice President, Mr. Chief Justice, Mr. Speaker, members of my family and friends, my countrymen, and the friends of my country, wherever they may be, we meet again, as upon a like moment four years ago”*, Д.Эйзенхауэр, 1957 г.; *„Hohe Bundesversammlung! Meine Damen und Herren! Ich danke ganz herzlich für die freundlichen Worte und guten Wünsche“*; Х.Кёлер, 2004 г.).

Вместе с тем в инаугурационных обращениях обнаруживаются национально-специфические ссылки на особенный исторический опыт страны и указание на национально-специфические проблемы настоящего.

Заметное место в жанровом пространстве американского политического дискурса занимает жанр традиционного еженедельного субботнего радиообращения президента страны к своим согражданам. Этот вид коммуникации не имеет аналогов в других изучаемых нами лингвокультурах. Его специфическими жанровыми признаками являются:

а) сложная жанровая композиция, предполагающая наличие нескольких микротем, каждая из которых в свою очередь включает в себя подтезис и аргументативный материал в его защиту;

б) констатация какого-либо факта или события (*“Ever since Franklin Roosevelt’s time, the 100th day has been a media marker”*, Дж.Буш, 2001 г.; *“Looking back over this year, it’s clear that we achieved major reforms of the Medicare system”*, Б.Клинтон, 1999 г.);

в) фатика интеграции, выражающаяся в знаках интеграции (*“the American people – your own people”*, *“our country’s flag”*, *“to come together to share”*, *“from one another”*).

Достаточно существенную часть жанрового пространства президентской риторики составляют ориентационные жанры: в американском материале – 24%, в австрийском – 15%, в немецком – 16%. В их числе оказываются речи, в которых президент высказывается по каким-либо существенным вопросам, информирует граждан о своём отношении к событию, предполагающему реакцию первого лица в государстве, излагает своё видение той или иной проблемы.

Яркими примерами такого жанра являются *“State of the Union Address”* (американская лингвокультура) и *„Berliner Rede“* (немецкая лингвокультура). Их общими особенностями являются: а) информационно-отчётный характер послания; б) раскрытие микротем первого уровня «внешняя политика» и «внутренняя политика»; в) вступительная фатическая часть; г) сочетание параллельной и ступенчатой (последовательной) связи между микротемами; д) вторичный характер данного риторического жанра, предполагающий

предварительную подготовку, о чём свидетельствуют наличие микротем разных уровней (сложная композиция) и расчленённый тезис; е) присутствие элементов убеждающей и призывающей речи, то есть пересечение с агональными и ритуальными жанрами.

Различия между “State of the Union Address” и „Berliner Rede“ заключаются в следующем:

а) непосредственным адресатом в американском жанре выступает законодательный орган страны Конгресс, в то время как в Германии позиция непосредственного адресата принадлежит широкой общественности страны – известным людям разных профессий, собравшимся в каком-либо культурно значимом месте. Следовательно, в первом случае общение происходит между ветвями власти, а во втором – между властью и народом;

б) специфический набор микротем второго уровня, что показывает существенные различия приоритетов Германии и США, особенно в сфере внешней политики.

В третьей главе **«Когнитивные и стилистические характеристики президентской риторики»** тексты речей президентов США, Германии и Австрии последних 20 лет подвергаются анализу не только с позиций жанровых характеристик, но и с точки зрения их лексической и стилистической экспликации.

Президентский дискурс эксплицируется в ценностном, когнитивном и поведенческом аспектах концептосферы языковой личности. Ценностная сторона является одной из сторон концепта, которая, как нам представляется, играет важнейшую роль в существовании ключевых концептов политической коммуникации. Концепт – это единица, принадлежащая сознанию и соотносящая опыт индивида с глобальными общественными ценностями. В президентском дискурсе это соотношение исключительно важно, так как сам статус лидера государства обязывает президента руководствоваться представлениями об общенациональных ценностях и базовыми концептами мира политики.

Лингвокогнитивный и квантитативный методы анализа эмпирического материала показывают, что система ценностей языковой личности президента как некоего «когнитивно-коммуникативного инварианта» (Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова) определяет иерархию наиболее коммуникативно востребованных базовых концептов президентского дискурса США, Германии и Австрии последних 20 лет. Подсчёт проводился нами по следующей формуле: $A+B+C+D+\dots+Z=\lambda$.

$$\frac{\lambda - 100\%}{\lambda}$$

$A - x\%$, где λ – сумма всех случаев вербализации всех концептов, а $A, B, C, \dots, Z$ – суммы всех случаев вербализации какого-либо одного концепта. Предметом нашего анализа явились концепты, отражающие ценностные ориентиры соответствующих лингвокультур и базовые концепты мира политики, круг которых был определён по итогам теоретической главы 1.

В американской президентской риторике доминируют концепты “freedom, liberty” (13,2%) и “peace” (10,1%). Концепт “freedom, liberty” предстаёт в качестве объекта, который следует бережно хранить и почитать. *“People all over the world cherish now the freedoms that we’ve enjoyed for years”* (Дж.Буш, 1990 г.). *“We are honoring renewed faith in the freedom”* (Б.Клинтон, 1995 г.). Чтобы убедить аудиторию в силе свободы, американские президенты могут метафорически представлять её как агента самостоятельных действий. *“Today, freedom embraces the entire hemisphere”. Freedom has brought this nation far and freedom will sustain us into the next century”* (Б.Клинтон, 1998 г.).

Если такие базовые концепты американского политического дискурса, как «свобода», «мир», «власть», «народ», «благополучие», не теряют своей актуальности с течением времени, то концепт «терроризм», безусловно, является яркой приметой начала 21 века, изменившей содержание и тональность американского президентского дискурса после трагедии 11 сентября 2001 года. Так, в двух раундах президентских теледебатов 2004 года Дж.Буш 34 раза вербализует концепт «терроризм», а его выступление в Конгрессе США содержит 17 случаев экспликации этого концепта. Президент делит всё общество на 2 группы: 1) субъектов (агентов) терроризма “terrorists” (44% всех случаев вербализации концепта), “terrorists supporters” (10%), “terrorist enemies” (5%), “terrorist recruits” (2%); 2) объектов и жертв терроризма, которые являются активными “terrorist fighters” (5%), “allies in the war on terror” (3%) или пассивными “terrorist victims” (3%). Метафорически терроризм может быть представлен и как агент самостоятельных действий. *“Terror will no longer be able to intimidate our citizens”*.

Сопоставление американского президентского дискурса и его немецкого и австрийского аналогов свидетельствует о том, что палитра и иерархия концептов в концептосфере президентов разных стран не совпадают, поскольку лежащие в её основе ценности могут быть как универсальными, так и национально-специфическими. Так, в президентской риторике Германии доминирует концепт «единство, единение». Это объясняется тем, что для немецкого народа проблема объединения страны была актуальна как до падения Берлинской стены в 1989 году, так и после этого исторического события, поскольку ещё не до конца преодолены различия между Восточной и Западной Германией. Кроме этого, процессы объединения на современном этапе истории характерны не только для внутривнутриполитической ситуации в стране, но уже и для создания единого общеевропейского пространства.

В современном президентском дискурсе Германии концепту «единство, единение» соответствует достаточно широкое лексико-семантическое поле, в центре которого находятся ключевые слова-репрезентанты „Einheit“ (31% случаев вербализации концепта) и „Einigung“ (20%). Среди наиболее употребительных и близких по значению слов, входящих в деривационное поле „Einheit, Einigung“, можно назвать следующие единицы: „Vereinigung“ (7%), „Wiedervereinigung“ (3%), „Einigkeit“ (2%), „Einigungsgeschichte“ (1%), „einig“

(2%), „vereinigt“ (2%), „geeint“ (2%), „vereint“ (2%), „sich vereinigen“ (4%), *sich einigen* (2%), *sich wiedervereinigen* (1%) и др.

Дополнительные признаки концепта „Einheit, Einigung“ устанавливаются с помощью изучения лексической сочетаемости ключевого слова с прилагательными „*die tiefere Einheit*“, *die europäische Einigung*“, „*die erfolgreiche Einigung*“, с глаголами „*in Einheit leben*“, „*die Einheit erreichen*“, „*die Einheit wiedererlangen*“, „*die Wiedervereinigung hautnah miterleben*“. В сочетании „ein Europa“ артикль получает особую смысловую нагрузку и даже может вести себя как прилагательное. Например, „*die Schaffung eines einen und freien Europas*“ (Х.Кёлер, 2005 г.).

Контрастивный анализ эквивалентных по прямому значению лексем разных языков, объективирующих один и тот же концепт, показывает, что их содержание имеет как сходные, так и различные значения. Так же, как и в американской, в немецкой президентской риторике понимание свободы как ценности связано с признанием других общечеловеческих ценностей. Поэтому весьма часто эти ценности существуют в дискурсе вместе, образуя словосочетания с сочинительной связью: „*Freiheit und Frieden*“ (Х.Кёлер, 2004 г.), „*Freiheit und Demokratie*“ (И.Пау, 2001 г.), „*Freiheit und Gerechtigkeit*“ (Х.Кёлер, 2005 г.), „*Freiheit und Wohlstand*“ (Р.Херцог, 1998 г.).

Однако в немецкой президентской риторике понимание свободы связано с теми возможностями, которые открывает для европейцев экономическая свобода в Европейском Союзе. Президенты Германии соотносят свободу с коренными изменениями в экономике, с необходимостью обновления („*Erneuerung*“) и свежего ветра перемен („*Veränderung*“, „*Schwung*“). Концепт «свобода» в президентском дискурсе Германии раскрывается с помощью ряда метафорических образов, например, „*der Gewinn und nicht die Last*“, „*das Schwungrad für Dynamik*“, „*der Schlüssel der Zukunft in der Hand*“, „*die Kraftquelle*“.

В австрийском президентском дискурсе концепт «свобода» является третьим по коммуникативной востребованности (11,6%) и восходит к прецедентному высказыванию бундесканцлера Австрии Л.Фигла „*Österreich ist frei*“, которое относится к периоду подписания договора о государственном суверенитете Австрийской Республики.

Самым же востребованным в «рейтинге» концептов в австрийском президентском дискурсе оказывается концепт «общность». Он объективируется ключевым словом „*Gemeinsamkeit*“, синонимами и репрезентантами которого выступают такие языковые единицы, как „*das Miteinander*“, „*eine globale Familie*“, „*die Gemeinschaft*“, „*die Allgemeinheit*“, „*das Gemeinsame*“. Распространённая в немецком языке тенденция к словосложению способствует появлению в президентском дискурсе следующих дериватов: „*die Wirtschaftsgemeinschaft*“, „*das Gemeinwohl*“, „*das Gemeinschaftsbewusstsein*“, „*der Gemeinsinn*“, „*der Gemeinschaftsgeist*“, „*das Gemeinwesen*“. Концепту «общность» свойственно тесное контекстуальное взаимодействие с

многочисленными лексемами совместности, выполняющими интегративную функцию: „*gemeinsam*“, „*wir*“, „*wir alle*“, „*das gemeinsame Wir-Gefühl*“ и т.д.

Таким образом, анализ президентского дискурса в межкультурном ракурсе позволяет выявить как универсальные, так и национально-специфические характеристики языковой личности президента как носителя определённой картины мира.

Анализ речей президентов на синтактико-стилистическом уровне позволяет говорить об общности дискурсивных средств, к которым обращаются президенты разных стран для риторического воздействия на адресата. Одним из самых распространённых синтактико-стилистических способов достижения эффекта выразительности является использование фигур прибавления, что проявляется в контактном или дистантном повторении в речевой цепи одних и тех же единиц плана выражения. Это может быть синтаксический параллелизм, помогающий президенту подчеркнуть контраст между собою и своим оппонентом. Так, президент США Дж.Буш в предвыборной речи “Acceptance Speech” на съезде республиканской партии неоднократно обращается к такому виду параллелизма, как антитеза: “*He sees America as ... I see America as ...*” “*They talk, we deliver. They promise, we perform*”. “*Two parties this year ask for your support, but only one has proved it can deliver. Two parties this year ask for your trust, but only one has earned it*” (1988 г.).

В целях воздействия на аудиторию президенты используют также иные виды параллелизма, например, восходящую градацию (климакс) и нисходящую градацию (антиклимакс). Примером нисходящей градации могут служить слова австрийского президента Т.Клестилы: „*Die Frontlinie zwischen den Tätern und Opfern lief damals durch das Volk, mitten durch Familien, ja manchmal sogar durch ein und dasselbe Herz*“ (1994 г.). Сравним: „*Wir wissen, welch ein kostbares Gut der Frieden ist. Frieden im Inneren, Frieden mit unseren Nachbarn, Frieden in der Welt*“ (Х.Кёлер, 2005 г.). В последнем примере восходящая градация сочетается с вариативным анафорическим повтором, что можно рассматривать как конвергенцию стилистических приёмов (термин З.Я. Тураевой).

Анафора также является характерным приёмом для президентского дискурса во всех исследуемых лингвокультурах. Данный приём заключается в повторе одних и тех же элементов в начале смежных отрезков речи. Такими отрезками могут быть целые предложения, как в президентских теледебатах 2004 года: “*Saddam Hussein was a threat. He was a threat to ...*” (Дж.Буш, 2004 г.). В данном фрагменте дискурса 6 раз повторяется тезис “*He was a threat to ...*”, подкрепляемый различными аргументами в его защиту. Яркой и насыщенной анафорами является также речь Berliner Rede-2002 президента Германии И.Пау, посвящённая глобализации. Президент 6 раз обращается к анафоре „*Es hat mit Globalisierung zu tun, wenn ...*“, поясняя суть глобализации с помощью примеров её влияния на жизнь человека. В заключительной части своей речи И.Пау прибегает к этому же приёму риторического воздействия, повторяя 7 раз анафору „*Die Globalisierung ist eine Chance, wenn ...*“ (2002 г.).

Испытанным средством привлечения внимания к сообщению являются риторические вопросы, существующие в политической сфере, судя по всему, вне зависимости от лингвокультурной специфики. Президент США Б.Клинтон адресует сразу несколько риторических вопросов своим согражданам: *“How far have we come in man’s long pilgrimage from darkness toward light? Are we nearing the light – a day of freedom and of peace for all mankind? Or are the shadows of another night closing in upon us?”* (1993 г.).

Речь президента Германии И.Пау „Berliner Rede-2001“ полностью построена на риторических вопросах, начиная уже с самого названия *„Wird alles gut?“* В речи „Berliner Rede-2003“ И.Пау ставит перед аудиторией 18 риторических вопросов, предваряющих, как правило, новые микротемы.

Выразительность президентской риторике придают также побудительные предложения, использующиеся в призывах, здравицах, тостах и концовках эпидейктического характера. Для американского президентского дискурса характерна конструкция *“Let us do smth”*, выражающая прямую апелляцию к коммуниканту. В заключительной части риторических произведений могут также встречаться директивные высказывания, построенные по модели *“May smb do smth”* и обращённые, как правило, к Богу. *“May God continue to bless our great land”* (Дж.Буш, 2004 г.). Сравним это высказывание с финалом речи перед Федеральным Собранием президента Германии Х.Кёлера: *„Gott segne unser Land“* (2004 г.). Наблюдаемое пересечение политического и религиозного дискурса придаёт дополнительную пафосность и торжественность словам президентов.

Проведённое исследование показывает, что президентский дискурс как вид политической коммуникации характеризуется сверхметафоричностью. В качестве основных понятийных сфер-источников метафорической экспансии нами рассматривались следующие: 1) человек; 2) социум; 3) природа; 4) артефакты. Во всех изучаемых в настоящей работе лингвокультурах доминирует антропоморфная метафора (38% – в президентском дискурсе США, 36% – Германии, 32% – Австрии). Существенную часть антропоморфных метафор составляют метафоры персонификации, населяющие мир политики живыми образами: *“Liberation is coming”* (Дж.Буш в разгар военной кампании в Ираке, 2003 г.); *„Die Katastrophe hat mehr als 130 Österreicherinnen und Österreicher aus dem Leben gerissen“* (Х.Фишер о природной катастрофе в юго-восточной Азии в 2004 г.). Анализ эмпирического материала показывает, что метафора персонификации характерна для описания войн, эпидемий, катастроф. Кроме этого, настоящее исследование выявляет, что в разных лингвокультурах могут повторяться одни и те же метафорические образы. Сравним: *“to speak with one voice”* (Б.Клинтон о странах-союзницах, 1998 г.); *„mit einer Stimme sprechen“* (Х.Кёлер о единой позиции европейских стран, 2005 г.).

Для привлечения внимания к наиболее острым общественным проблемам президенты прибегают к использованию морбиальных метафор: *“a plague on everyone’s house”* (Б.Клинтон о чужой беде); *“in terrible agony”* (Дж.Буш о

режиме С.Хуссейна, 2003 г.); „*ein Gefühl der Lähmung*“, „*Pessimismus ist die deutsche Krankheit*“ (Р.Херцог о немецком обществе); „*Worte können töten und Worte können heilen*“ (Т.Клестиль о роли дипломатии на Ближнем Востоке).

Специфика использования метафор в президентской риторике может определяться жанровыми характеристиками риторического произведения. Анализ эмпирического материала свидетельствует о том, что созданию эпидейктических риторических произведений способствуют фитоморфные метафоры, раскрывающие тему обновления. В частности, эти образы обеспечивают торжественный характер жанра инаугурационного обращения: „*new fresh breeze*“ (Дж.Буш, 1989 г.); „*die Saat unserer Arbeit*“ (Х.Фишер, 2004 г.).

Хотя в использовании метафорических образов в президентском дискурсе больше универсальных характеристик, можно утверждать о некоторых национально-специфических особенностях, определяемых ценностными ориентирами и концептосферой языковой личности президента. Так, метафоры машины / механизма в дискурсе нынешнего президента США Дж.Буша „*machine of destruction*“, „*vehicle of intimidation*“ детерминированы угрозой терроризма. В сегодняшнем дискурсе президента Германии Х.Кёлера и президента Австрии Х.Фишера технические и строительные метафоры связаны с созданием и укреплением общего европейского дома: „*einer der Motoren Europas*“ (Х.Кёлер о роли Германии в ЕС); „*das gemeinsame Dach*“, „*Brücken bauen*“ (Х.Фишер о расширении ЕС).

Ещё одним отличительным признаком президентского дискурса является его интертекстуальность. Анализ интертекстуализованных высказываний по принципу авторства исходного (цитируемого) текста свидетельствует о том, что в дискурсе президентов США преобладают ссылки на президентов-предшественников, составляющие 82% от общего числа интертекстуализованных высказываний в нашем корпусе примеров. Самым ярким примером в данном случае выступает президентская клятва – предельно жёстко фиксированное риторическое произведение, повторяемое президентами при вступлении в должность со времён Дж.Вашингтона. Многие высказывания американских президентов неоднократно повторяются разными главами государств, причём иногда имя автора цитируемого текста не упоминается, что заставляет делать предположения об их прецедентном статусе. Среди таких высказываний, по нашим данным, самыми частотными являются: „*A house divided against itself cannot stand*“ (А.Линкольн о гражданской войне 19 века); „*Four score and seven years ago*“ (начало „*Gettysburg Address*“ А.Линкольна); „*Ask not what your country can do for you, but what you can do for your country*“ (Дж.Кеннеди). На прецедентность последнего высказывания указывает также проведённый в рамках исследования опрос респондентов, 30% которых назвали именно его в качестве часто воспроизводимого высказывания в своей лингвокультуре.

Существенное место в американском президентском дискурсе занимают ссылки на выдающихся мыслителей, общественных деятелей, политиков,

реформаторов. Прецедентным именем для данного дискурса является имя Мартина Лютера Кинга, а прецедентным текстом его речь, построенная на анафоре *“I have a dream”*.

В немецкоязычном материале ссылок на имена и слова президентов значительно меньше ввиду не столь продолжительной истории института президентства. Наиболее часто цитируемым высказыванием в президентской риторике является высказывание немецкого президента Р.Херцога *„Durch Deutschland muss ein Ruck gehen“* о необходимости реформ в Германии (1997 г.).

Большим потенциалом прецедентности обладают высказывания *„Wir sind ein Volk“* (статья о социалистической нации ГДР в Конституции 1989 г.) и крылатая фраза бундесканцлера В.Брандта о неизбежности общей судьбы восточных и западных немцев *„Nun wird zusammenwachsen, was zusammengehört“*.

Доминируют в немецком (44%) и австрийском (42%) президентском дискурсе ссылки на слова и имена философов, деятелей науки, искусства и литературы.

В **заключении** обобщаются основные результаты работы и отмечается, что в жанровом пространстве взаимодействуют агональные, ритуальные (эпидейктические) и ориентационные жанры, среди которых в анализируемых нами лингвокультурах доминируют ритуальные жанры. Большинству жанров президентской риторики свойственны как универсальные, так и национально-специфические признаки. Отдельные жанры приобретают смысл только в своей лингвокультуре. Анализ американского президентского дискурса на фоне немецкого и австрийского аналогов позволяет выявить их лингвокогнитивные особенности, а также способы экспликации ораторских стратегий президентской риторики на лексико-стилистическом, синтактико-стилистическом и интертекстуальном уровнях.

Проведённое исследование позволяет рассматривать президентскую риторику в единстве социолингвистического, функционального, жанрового, ценностного, когнитивного, поведенческого и риторического подходов. В свою очередь проведённое лингвокультурное сопоставление делает возможным понимание политической коммуникации в межкультурном ракурсе.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Спиридовский О.В. Речи американских президентов в зеркале национальных ценностей и ориентиров / О.В. Спиридовский // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: сб. науч. тр. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. – С. 274-277.

2. Спиридовский О.В. Язык политики – политика в языке (на материале речей президентов США Билла Клинтона и Джорджа Буша) / О.В. Спиридовский // Актуальные проблемы модернизации языкового образования в школе и вузе: сб. науч. тр. – Ч. 2. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 98-101.

3. Спиридовский О.В. Речи американских президентов в фокусе дискурсного анализа / О.В. Спиридовский // Дайджест-2003: дипломные работы факультета РГФ ВГУ. – Вып. 4. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – С. 98-103.

4. Спиридовский О.В. Метафора в политическом дискурсе и проблема её перевода на другой язык / О.В. Спиридовский // Перевод: язык и культура: Сб. науч. тр. – Вып. 6. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – С. 216-221.

5. Спиридовский О.В. Языковая личность президента в аспекте национальных ценностей / О.В. Спиридовский // Язык и национальное сознание: сб. науч. тр. – Вып. 7. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2005. – С. 133-136.

6. Спиридовский О.В. Концепт «терроризм» в речах президента США Джорджа Буша / О.В. Спиридовский // Реальность, язык и сознание: Сб. науч. тр. – Вып. 3. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 279-281.

7. Спиридовский О.В. Антропонимы американских президентов и их функционирование в политическом дискурсе / О.В. Спиридовский // Язык, коммуникация и социальная среда: Сб. науч. тр. – Вып. 4. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – С. 123-127.